

ГОЛОСА СНИЗУ

ДИСКУРСЫ СЕЛЬСКОЙ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ВАЛЕРИЙ ВИНОГРАДСКИЙ

Валерий Георгиевич Виноградский

«Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42954656

«Голоса снизу»: дискурсы сельской повседневности: Издательский дом

«Дело» РАНХуГС; М.; 2017

ISBN 978-5-7749-1294-0

Аннотация

«Голоса снизу» – крестьянские нарративы, записанные в полевых социологических экспедициях, образуют основной корпус этой книги. Автор истолковывает «голоса снизу» в качестве крестьянских дискурсивных практик – особых манер высказываться, свойственных ментальному и речевому поведению сельских жителей. Автор демонстрирует фрагменты записанных в российской глубинке крестьянских повествований в их лингвостилистической первозданности и на этой основе формулирует некоторые дискурсивные свойства, присущие «голосам снизу». Сопоставляя голоса «старых», уже ушедших из жизни, крестьян и «новых» представителей крестьянского сословия, автор пытается обнаружить транзисторические и изменчивые элементы крестьянских дискурсивных практик. Издание может быть полезным в качестве источника

первичной информации, добытой в соответствии с методологией качественного социологического исследования.

Содержание

Введение	6
I. Движение замысла	15
1. Погружение в поле	15
2. Публикационные пробы	19
3. «Голоса снизу» как дискурсы	39
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Валерий Виноградский
«Голоса снизу»: дискурсы
сельской повседневности

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2017

Введение

В лекционном курсе «Чтение философии», прочитанном в 1991–1992 учебном году на философском факультете МГУ имени Ломоносова, русский мыслитель, филолог и переводчик В. В. Бибихин, рассказывая слушателям о философской поэме Парменида, – этом великом мыслительном акте, который бы не состоялся без «остроты *слышания слова* (курсив автора. – В.В.) на греческом пространстве»¹, – внезапно перемахивает в пространство русское и очерчивает увлекательную познавательную ситуацию, пока что крайне слабоосвещенную. Бибихин тогда сказал: «Чуткость русского мира к слову была и остается историческим событием, размах которого мы сейчас измерить пока не можем. Большею частью мы этого – насколько пространство, в котором мы движемся, это пространство слова – просто не замечаем»². А замечать – это значит наблюдать и метить базовые контуры бытия, видеть и предугадывать его ориентиры; ведь сам рисунок движения в пространстве человеческого осуществления проектируется словом, вычерчивается словом, хранится словом. Задача хотя бы подступа к описанию и разметке этого необозримого пространства неимоверно трудна.

¹ Бибихин В. В. Чтение философии. СПб.: Наука, 2009. С. 305.

² Там же.

Здесь нужен особенный талант, здесь нужна многомерная, если не универсальная, нацеленность понимающего сознания. Поэтому любые попытки продвижения в этом направлении – при неизбежной механике робкого ощупывания соответствующих бытийных элементов и неуверенного ползания в поисках прочных начал – уважительны. Познавательное рисковать здесь – занятие честное и затягивающее. Попытаюсь в меру своего жизненного и исследовательского опыта всмотреться в пространство русского народного слова, вслушаться и вдуматься в так называемые «голоса снизу», в крестьянские устные повести. Так случилось, что я знаком с ними не *понаслышке*, – как ни двусмысленно смотрится здесь это определительное наречие. Ведь любые голоса не только *слышатся*. Они прямо *касаются* нас, нас трогают, нас задевают. Понимать язык – значит и слышать и воочию наблюдать «пространство слова». Постигать язык – значит обитать в нем; не столько рассудительно и пунктуально свидетельствуя и подытоживая, сколько самозабвенно присутствуя и действуя, совмещаясь с ним, временами перечая ему, а порой и фатально пропадая в его не вымериваемом размахе. Социологический «чужак» – непременно и языковой, и стилистический, и дискурсивный. В роли такого чужака мне довелось войти однажды в крестьянские миры России и надолго погрузиться в прежде незнакомое «пространство слова», вслушаться в непривычно звучащие голоса.

Неприхотливая, суровая материя крестьянской повсе-

дневности, где пребывают, напрягаются в житейских заботах и созерцательно разгуливают ее безвестные творцы и участники, аккуратно снята с экспедиционной диктофонной записи и вложена в эту книгу. В ней представлены подлинные крестьянские голоса. Каждый из них звучит толково, внятно и развернуто. Временами рассказчики умолкают. Но и молчание крестьян (сердитое, стеснительное, безучастное, недоуменное) значительно и красноречиво. Каждый из голосов неповторим, каждый смотрится как особая языковая картинка, являет себя как нестандартная речевая поступь. Ими не наслушаешься, ими не налюбуеться. Но если, вновь и вновь перечитав их, попробовать выбраться из их затягивающего плена, взлететь над пространством крестьянского слова, чуть сбить наводку на резкость и приглушить разноцветность речевых миров наших рассказчиков, можно будет – с облегчением и легким привкусом разочарования – перевести дыхание. Нам явится дискурсивная однородность крестьянских миров. Мы заметим их типовую сложность, их трудно сдвигаемые ландшафтные координаты. Однако освоившись в них, мы рискуем их потерять. Остановившись, мы упустим из вида общую панораму. Поэтому возобновление понимания их дискурсивного устройства требует, чтобы мы раз за разом пускались в очередной, внимательно-опознающий полет.

Чувство, знакомое многим: уже при первом, ознакомительном, входе в сельские миры в лицо веет неподдель-

ной свежестью – дискурс крестьянских жизненных практик светит ясным огнем непридуманности и доверчивых откровений. Он бодрит воплощенным опытом простодушного, исполненного натуральной, непоказной отваги, крепкого и ловкого захвата ближайших обстоятельств бытия. Его изначальные, ненарочно передаваемые от дедов к внукам, контуры и обмеры естественно развернуты здесь в их надлежащих масштабах. «Сотри случайные черты», и ты удостоверишься: о чем бы ни шел разговор, крестьянские устные повести каждый раз демонстрируют образ посильно укрощенной, обтесанной подручным инструментом, действительности. В этих рассказах удивительным образом удерживается давно отысканная и принятая *мера* мира. Будучи вполне азбучной, лишенной хитросплетенности, эта крестьянская бытийная *вы-меренность* тем не менее загадочно упруга и упрямо-неподатлива. Она, как правило, изворотливо выскальзывает из железных клещей напористой индустриальной распорядительности с ее безжалостно-мертвой хваткой. Она инстинктивно уклоняется и от попыток нажимающего властного окорота, и от приструнивающих политических натисков. Она не теряется в тормозящей оробелости, но и почти никогда не лезет на рожон. Крестьянский мир, воссозданный прирожденным ему словом и слогом – незамысловатая и всецело самодельная архитектура. Ну что ж, пусть и так – хоть не пышно, да затишно; некрасиво, да спасибо, для сельской местности сойдет. Корневой народный язык, широко раз-

вернутый в дискурсе крестьянской повседневности, – это, в сущности, прочный, непродуваемый, бережно-укрывающий «дом бытия» (М. Хайдеггер). Этот язык – мастерское орудие ненасильственного, непобедительного, уступающего, «хитрого» прилаживания к переменчивому давлению довольно скупых на разнообразие, но почти всегда жестко-принудительных жизненных ситуаций. Ну, не толково ли? – кряхти да гнись: упрешься – переломишься; чем маяться, так лучше отступить; не торопись, Окся, еще Паранька в девках. Такого рода дискурсивные практики – неоглядное, глубоко залегающее месторождение неиссякаемой, смиренной надежды. Ведь и вправду, – «не плачься, что ночь студена: ободняет, так обогреет»; «счастье придет – и на печи найдет».

Неспешное путешествие в крестьянских языковых пространствах – в этих мирах с их особенным, часто не сразу распознаваемым снаружи настроением – затягивает, как тонкая лесная тропинка, и буквально на каждом шагу открывает прежде незнакомые, но предугадываемые жизненные пространства. Здесь человек учится узнавать себя, пытается нащупать собственную, глубинную, соединяющую его со всем человеческим родом, далее нераспаковываемую сердцевину. Наблюдение и аналитическое (а точнее – ведомое «умным чувством», формула Аристотеля) освоение натуральных крестьянских дискурсивных практик – занятие захватывающее. В них приоткрывается основной, животворный и в то же самое время нежалостливый, «яростный» (А.

Платонов) мир. К тому же хочешь не хочешь, ты всегда примеряешь мизансцены крестьянской повседневности на самого себя – либо благодарно и вполне усваивая рассказанное и увиденное, либо удивляясь его простым диковинам, либо опасно съеживаясь от его непререкаемой принудительности. Прожив годы в различных деревенских сообществах и вволю социологически в них поработав, я не однажды удостоверялся в том, что колотящие уроки тамошних, не вполне грациозных жизненных практик, а также суровый опыт вынужденного самоурезонивания собственных (отчасти вольных) житейских повадок и их конвертации в систему жестковато-нерасточительных крестьянских координат – очень полезная и эффективная социально-гигиеническая процедура. Она способна бесцеремонно соскоблить с иного городского человека «гезельшафтную» коросту закрытости, цинизма и высокомерия. Она умеет быстренько и ловко расстроить и сбить наигранную стилистическую любезность заезжего осторожничающего чужака. Как бы там ни было, из деревенских миров выходишь в иные бытийные пространства уже другим, чем был – не столько информированным и помневшим, сколько очарованным и проветренным.

Слушая, записывая и перечитывая крестьянские нарративы, вдумываясь в них, я вспоминаю среднюю школу № 22 Сталинского района Саратова. Именно там осознанно возник и разгорелся мой интерес к писаному и звучащему слову. И через горы времени я благодарю свою учительницу

литературы, Валентину Ивановну Иванову. Деревенская девушка, крестьянская дочь, она приехала в Саратов, на отлично выучилась в педагогическом институте, стала работать в школе и как-то незаметно привила моим одноклассникам и мне буквально яростное, давящее влечение к литературе. К устному слову. К поэтической строке. К звуковой музыке волшебного родного языка.

Окончив школьную учебу, я прошел вступительные испытания на филологический факультет Саратовского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. И попал в руки педагогов, которым в их студенческие времена посчастливилось в свою очередь, учиться у ленинградских профессоров словесности, эвакуированных в годы войны именно в Саратов. Ленинградцы подготовили десятки молодых филологов, многие из которых вошли в мою вузовскую биографию в качестве наставников. Мои университетские преподаватели были личностями поистине особенной выделки. Изначально присущие им круговая восприимчивость, алчное провинциальное любопытство, эмоциональная приподнятость и размашистый темперамент жадно вобрали, усвоили и доверчиво согрели спустившуюся с северных небес благородно-возвышенную петербургскую интеллектуальную и педагогическую традицию. Эта, волею судеб возникающая, констелляция учителей и учеников, талантов и поклонников, эта, по слову Пушкина, «смесь чинов и лет» – высоких и скромных научных статусов, опыта и неискушенности, масштабных и

узкоспециальных профессиональных интересов, доверчивого познавательного азарта и юношеского ироничного прищуря, который так к лицу студенческой братии, – эта спектральная картина стала редкостным явлением во всей университетской истории. Такое сочетание создало в старинных факультетских стенах особую культурную настроенность и умственно-этическую атмосферу. Она буквально пропитывала и питала мою студенческую юность. Мир отечественной словесности налился краской живого бытийного опыта и каждодневно распахивался во всей его широте и поразительно-нестерпимом разнообразии – от обстоятельной размерности народных сказок до пронзающей, молниевидной мудрости великих русских поэтов. И я благодарно кланяюсь моим университетским наставникам. Имена Татьяны Михайловны Акимовой, Веры Константиновны Архангельской, Светланы Александровны Бах, Марии Нестеровны Бобровой, Александра Александровича Дерюгина, Аллы Александровны Жук, Олега Ивановича Ильина, Геры Владимировны Макаровской, Евгении Павловны Никитиной, Евграфа Ивановича Покусаева, Раисы Азарьевны Резник, Татьяны Ивановны Усакиной для меня незабываемы и светлы.

Благодарю коллег, с которыми я прошел свою дорогу в крестьяноведческом социологическом «поле». Опыт пребывания в нем, мало-помалу нажитый в атмосфере впитывающей экспедиционной энергетике, – вначале пробно-неумелой, а со временем ненасытно-хищной (в разговоры с кре-

стьянами мы азартно, увлеченно и доверчиво входили, бережно их фиксировали и хранили), – решительно обострил базово настроенный университетской филологической пропедевтикой языковой слух. Абсолютная захваченность той лингвистической материей, которая пронизывает и обнимает крестьянский мир, которая живописно и ярко запечатлевает его феноменологические вороха, удивительным образом породила новое, неведомое мне ранее представление и о поэтическом, художественном, изысканном и укрепленном слове. «Все эР и эЛЬ святого языка» (А. Тарковский) начали звучать несравненно отчетливее, прямее и чище. Русский словарь продолжил раскрываться в его поистине головокружительной бездонности.

Особая благодарность – моему старшему, старинному, внимательно-умному другу Теодору Шанину. Благодаря ему в начале 1990-х я неожиданно-счастливым образом попал в команду полевых социологов-крестьяноведов. Тогда началась лучшая пора моей человеческой и профессиональной жизни, которая длится в постепенно сжимающемся режиме и сегодня.

I. Движение замысла

1. Погружение в поле

Появилась эта книга как очередной этап вхождения, вработывания в материал довольно специфического (и одновременно самого обычного, рядового) характера. Это – так называемые голоса снизу. В книжке воспроизводятся точные расшифровки разговоров с русскими крестьянами. Разговоров, которые были записаны в ходе социологических экспедиций, начавшихся еще в СССР и продолжающихся, несмотря ни на что, и по сей день. Систематические экспедиции социологов в российскую глубинку были организованы и проведены благодаря усилиям профессора Теодора Шанина. Являясь авторитетнейшим мировым специалистом по крестьяноведению, он принял на себя миссию возрождения и продолжения традиций русской социально-экономической науки о крестьянстве, заложенной Александром Чаяновым. Так была открыта прямая дорога к жителям далеких сел, деревень и станиц, к их повседневным трудам и дням, к их сердцам и умам.

1 ноября 1990 года 14 российских социологов, разделившись попарно, разъехались в семь глубинных сельских регионов. Началась первая, трехлетняя, социологическая экс-

педиция, главная цель которой состояла в том, чтобы заложить основу крестьянских устных архивов. Архивов, где можно было бы накапливать свидетельства людей, постоянно живущих на земле и занятых большей частью медленным и кропотливым трудом, нежели разговорами. Нам было важно услышать подлинные голоса тех, кого иногда (и вполне проницательно) называют «нерассуждающим большинством». Ежедневно в течение трех лет, в разных уголках просторной сельской России, в будни и праздники, зимой и летом записывалось около пятидесяти страниц крестьянских семейных хроник. В итоге был собран громадный информационный корпус, в центре которого находится внушительный аудиоархив с записями подлинных крестьянских голосов. Так мы начинали.

Цель второй экспедиции, которая стартовала в 1995 году и продолжалась вплоть до 2000 года, была более специализированной. Мы попробовали пристально всмотреться в повседневные социально-экономические и хозяйственные практики крестьянского семейного двора. И если раньше мы наблюдали крестьян как насельников сельских пространств, как обитателей данной местности, живущих в ней с рождения, помнящих обо всем – и о безжалостных исторических выюгах, и о кратких социально-экономических оттепелях, то теперь мы попросили разрешения войти «под крышу». Внутрь семейного крестьянского двора. Мы аккуратно затворили за собой калитку, осмотрелись и обжились в

скромном крестьянском жилище. Мы постарались нащупать рычаги, пружины и маховики крестьянских трудов и забот – в том числе скрытые и незаметные. Мы попробовали вникнуть в саму их жизнь и пройти насквозь пространства типичных крестьянских биографий. А сказать точнее – «*биологий*», крестьянских «жизненных логик». В результате этих усилий появился новый архив записей интервью, который систематически анализируется и обобщается.

Третий экспедиционный этап стартовал примерно с 2001 года. Начиная с этого времени, мы принялись наблюдать за разнообразными (в том числе и довольно драматическими) изменениями крестьянской повседневности, которые происходят в современной России. Наблюдать и за тяжелой поступью российского аграрного капитализма, буквально пожирающего природные пространства ради высоких норм прибыли, изменяющего привычный образ жизни. И, с другой стороны, за тихим угасанием традиционных крестьянских практик – животноводства, огородничества, нехитрых промысловых акций, крестьянских ремесел. И хотя вся эта работа ведется уже не в рамках специальных долговременных экспедиций, а происходит в свободное от служебных обязанностей время, крестьянские летописные хроники продолжают пополняться новыми файлами, кейсами, фото- и видеобиблиотеками. Накопленные информационные массивы уже нашли (и продолжают находить) формы своего публичного воплощения. Выходят статьи и книги, участники крестьяноведче-

ских проектов систематически выступают на отечественных и международных конференциях и симпозиумах. Каждый из полевых социологов отыскал собственный аналитический маршрут – накопленный материал позволяет двигаться во многих дисциплинарных направлениях. Здесь я попытаюсь рассказать о своем познавательном пути, неотделимом от трудов моих коллег, но и, как я надеюсь, самостоятельном.

2. Публикационные пробы

Систематически публиковать материалы экспедиций мы начали спустя пять лет после первого нашего приезда в села и деревни. Уже в 1996 году в издательстве «Аспект Пресс» вышла довольно объемистая публикация под названием «Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах»³. Чем интересна эта книга? Пожалуй, в ней впервые так широко, развернуто и выразительно прозвучали голоса людей, которые – в силу своего социального и профессионального статуса, а также места проживания – оставались неизвестными, лишены возможности высказаться, дать о себе знать, поведать миру нечто существенное, важное и интересное. В самом деле, что взлетает над крестьянством и уходит в большой общественный и культурный мир? Что, порожденное в деревенской глуши, время от времени циркулирует в широком социокультурном пространстве? Обычно лишь две вещи – народные приметы и народные поговорки. Анонимные, досуха отжатые, отшлифованные, сгущенные и лаконичные. Но только этого – мало.

Поэтому в «Голосах крестьян...» мы попытались воспроизвести, показать, развернуть, поднять на поверхность разноцветную материю крестьянской повседневности, соткан-

³ Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М.: Аспект Пресс, 1996.

ную самими деревенскими людьми. Из многостраничного экспедиционного архива для «Голосов крестьян...» были отобраны восемь семейных историй, записанных в различных регионах сельской России – от Вологодской области и Черноземья до Сибири и степного Юга. Живой раствор крестьянского пространства-времени разливается, колышется и порой закипает на страницах этой первой публикации собранных материалов. Крестьянские семейные истории воссоздают потрясающий в своей откровенности и наготе, буквально «яростный» мир. Мир дешевизны человеческого существования, насилия и смерти, страданий и лишений, предательства и ненависти, умопомрачительного, непробиваемого терпения. Мир самоотверженности и доброты, мир надежды и ободряющего, питающего душу звездного оптимизма. Обычный диктофон, лежащий на столе и фиксирующий разговор социолога и респондента, совершил маленькое чудо. Он позволил не упустить ни одной детали крестьянских миров России, – миров, воспроизведенных в их словесном бытии. И первая наша книга эти миры продемонстрировала, размножила, отправила к читателю. Вызвала многочисленные отзывы, стала материалом для специальных аналитических процедур социологов, культурологов, историков. Однако, как мы теперь понимаем, в ходе подготовки семейных историй к публикации была допущена некая досадная композиционно-семантическая неточность. Совершен некий редакторский произвол. Нас тогда сбило с толку пожелание

публикаторов как-то «беллетризовать» расшифровки диктофонных записей. Превратить их изначальный «живой беспорядок» в писаное «житие», в стандартную книгу. Соблюсти некую привычную чистоту и регулярность жанра.

Как это было сделано? Вполне незатейливо. Вот уж воистину – простота хуже воровства. Расшифрованные аудиозаписи крестьянских мемуаров были приведены в «монографический порядок»: материал был перекомпонован, организован в связные и логичные семейные повести, разбит на композиционные куски-мизансцены, достаточно произвольно и бойко озаглавленные (например, «Дьякон», «Сваха», «Водка», «О жизни», «Как Ленина хоронила», «Смешной случай» и т. п.). Были также исключены все «разгонные» вступления к беседе, все вопросы социолога, все контактные реплики и оговорки, все упоминания о невербальных реакциях собеседников: молчании (растерянном, недоуменном, сердитом), стеснительных паузах, смущенном покашливании... В результате воздух жизненной сцены незаметно улетучился. Натуральные голоса крестьян, превращенные в «литературу», заметно поблекли и приглушились. Потеряли аромат подлинности. И это не осталось незамеченным. Первыми на подобного рода речевую протезированность крестьянских голосов обратили внимание лингвисты. Так, характеризуя перечень текстовых источников по народному языку, Г. В. Калиткина особо выделяет сделанные нашей полевой командой аудиопротоколы бесед с крестьянами. Она

пишет: «В качестве яркого примера можно назвать полевые записи, осуществленные в 1990–2000 годах в рамках социологического проекта под руководством Т. Шанина. Одним из результатов исследования стала книга “Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах”, где собраны наиболее яркие рассказы респондентов. Составители книги отмечают: “Мы пытались охватить очень широкий круг тем: воспоминания наших современников об их детстве и юности, их мечты, надежды, страхи, радости и страдания, которые они испытали; их учеба, работа и военная служба; роль в их жизни перемен, происходивших в России от имперской эпохи до эпохи Горбачева и Ельцина; их отношения с друзьями, родственниками и начальством; их концепция семейной жизни, понятие о справедливости, отношение к религии и политике; их понимание места и времени, коротко говоря – система их взглядов на мир”. Широта охвата, на первый взгляд, уравнивает ценность представленных записей с материалами диалектологических экспедиций. К сожалению, тексты сборника не являются аутентичными: после записи крестьянских “мемуаров” составитель привел в порядок и организовал материал в связные, логичные истории, исключив из них вопросы интервьюеров, контактные реплики и т. п. С точки зрения интересов социологии материалы сохранили релевантность, но как источник для лингвистических исследований подобные тексты несостоятельны»⁴.

⁴ *Калиткина Г. В.* Диалектные словари как лингвокультурологический источ-

Видимо, и не только лингвистических, добавлю от себя. Что ж, этот упрек понятен и справедлив. В скором времени мы сами почувствовали, что накопленные информационные сокровища заслуживают гораздо более внимательного и бережного отношения. Такого же отношения, которое характерно, например, для публикаций фольклорных и иных исторических народных текстов в академических изданиях – с соблюдением всех параметров первоисточника, вплоть до описок и сокращений. Устные истории – это пусть и не литературный (*littera* – писаная буква), но словесно-артикуляционный, речевой памятник. Таким образом, абсолютный аутентизм крестьянских семейных историй, точное соблюдение свойств записанного устного повествования приобрели императивность в наших будущих аналитических инициативах. Мы вполне осознали безусловную ценность первоисточника. Примерно в это же время, в 1992–1993 годах, студия «Саратовтелефильм» заинтересовалась нашей полевой работой и предприняла усилия, чтобы зафиксировать на киноплёнке живые портреты наших крестьянских собеседников. Были сняты три документальные ленты – «Две оглядки», «Деревенские Атлантиды» и «Житие Антонины: был Духов день», которые по прошествии времени можно расценить как полноценный полевой видеодневник первой социологической экспедиции. Камера, наблюдающая работу со-

циолога, дала возможность увидеть и услышать не только то, *что* говорят деревенские старики, но и то, *как* они это делают. Воистину, тогда было зафиксировано то, что в кинословаре принято называть уходящей натурой. И, как сейчас выясняется, уходящей навсегда.

Следующая крупная публикация, базирующаяся на экспедиционных материалах, подвела промежуточный итог наших научных усилий. Причем сделала это вполне основательно. Речь идет о коллективной монографии «Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России»⁵. В ней хорошо заметен закономерный переход от демонстрации эмпирического материала к его научному обобщению. Книга содержит в себе концептуальные тексты, методологическую, социальную и этическую рефлексию полевых социологов, инвентаризацию методических техник и способов сбора материала, результаты анализа исторических данных и экономических источников, бюджетных обследований, а также изложение практических техник вживания в предмет как человеческую среду. Расшифровки интервью с крестьянами приводятся, но как вспомогательный, иллюстративный массив. Общее представление об этой книге выразительно сформулировано в одной из рецензий. Автор отзыва отмечает: «Книга дает ясное представление о размахе

⁵ Рефлексивное крестьяноведение. Десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН; РОССПЭН, 2002.

самих исследований и разнообразии аналитических практик и жанров текстов. Обычно при чтении научного текста мы пребываем в гостиной, а с методологической кухни только доносятся лишь сигналы запахов и звуков стряпни. Здесь все иначе – нас водят по самой кухне, мы наслаждаемся разнообразными ароматами, видим исходные продукты, разные стадии их готовки, смотрим, что и как жарится и парится. Нас потчуют и любовно хранимыми припасами концептуальной классики темы, и свежайшими блюдами прямо с пылу с жару. Как и положено угощениям крестьянского стола, все это – непосредственно, вкусно и обильно»⁶.

Спустя три года одной из участниц полевых экспедиций была издана монография о северной деревне, где ей довелось жить и работать⁷. В книге освещена история российского и советского крестьянства с дореволюционного времени до наших дней на примере одной из таежных деревень. Автору удалось создать целостную картину жизни российского села, используя социологические методы исследования и живое общение с жителями деревни Кобелево. Как точно заметил один из рецензентов, эта книга – не что иное как современный вариант истории села Горюхина. Эта монография – продукт, в сущности, неповторимый, потому что написать

⁶ Каганский В. Крестьяноведение России вернулось на родину // Отечественные записки. 2003. № 2. С. 234.

⁷ Ястребинская Г. А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян. 1992–2002. М.: Памятники исторической мысли, 2005.

такого рода текст можно лишь однажды – живя там и тогда, слушая именно тех, кто в деревне Кобелево «жил» и «был». Живая речь крестьян цитируется автором хотя и обильно, но фрагментарно и ситуационно – как яркие вспышки народной мудрости, наблюдательности и красноречия, как концентрированные моменты истины, как жизненные обобщения и итоги. Это очень важно. И, конечно, только этого – мало.

И вот здесь я хочу рассказать о том, как мне самому пришлось пробираться к книжке, которую вы сейчас держите в руках. Иначе говоря, я хочу отчитаться о собственных тексто-аналитических поисках, а затем обосновать необходимость и правомерность предельно внимательного и бережного отношения к речевым крестьянским практикам, какими бы рутинными и ординарными они на первый взгляд ни казались. Причем такое отношение в данном случае – не самоцель, а средство, специальный инструмент понимания и истолкования.

Так вот, для меня поиск соответствующего эмпирико-аналитического жанра начался с весьма обширной по журнальным меркам статьи, которая была озаглавлена следующим образом – «Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования». Ее опубликовал российский независимый научный журнал «Мир России»⁸. Данный текст выглядел достаточно специфично. Строго говоря, это была и не

⁸ *Виноградский В. Г.* Российский крестьянский двор: эволюция повседневного существования // *Мир России*. 1996. № 3. С. 3–76.

научная статья, и не публицистический очерк. Это были и не зарисовки с натуры. Я предпринял тогда попытку добросовестной, тщательной, не упускающей ни единого смыслового поворота, разборки, а затем – систематизации крестьянских «голосов снизу». Иначе говоря, основным содержанием того начального текста было проблемно-ориентированное цитирование отрывков из громадного массива крестьянских устных рассказов, записанных в ходе первой социологической экспедиции, снаряженной Теодором Шаниным. Я снабдил эти выписки-цитаты собственным минимальным комментарием. Лапидарность в данном случае была вполне уместной – не нужно быть многословным и нудно-въедливым, когда живые голоса моих собеседников, взятые сами по себе воспоминания, суждения и рассказы о деревенской жизни, весьма выразительны и информативны. Для иллюстрации приведу два образчика-примера того журнального текста, чтобы лучше представить сам характер организации выстроенного тогда мной информационно-аналитического пространства. В этих примерах сначала идет мой обобщающий комментарий, а вдогонку – текстовая цитата, взятая из крестьянских нарративов.

«1. Скупость, экономность и расчетливость, извлечение пользы даже из жизненных мелочей были обычными – и не самыми плохими, по мнению большинства информантов, – формами ведения доколхозного крестьянского хозяйства. В

самом деле, незаметно, чтобы респонденты, рассказывая об этих сторонах практики двора, вносили в воспоминания явную негативную оценку. Как мы увидим, эти черты сохранились и на более поздних исторических этапах эволюции двора.

– Ты знаешь, Валерька, какой он был скупой, дедушка Сергей?! Он, бывало, говорил мне: «Внучка, копеечку вяжи в пять узлов, и то она уйдет!» Ты знаешь, говорит, как копеечка мне доставалась?! Вот он какой... И ты знаешь, какую он раздул кадилу?! Это не только изо всей деревни, а изо всего района такое большое у него было богатство. Сколько скотины было! Все удивлялись: у Сергея Ивановича двадцать семь человек семья и живут все вместе. И не делятся, и не ругаются. Что это, говорили, за семья такая?! (Поволжье, Красная Речка Саратовской области. Тырышкина)

– Молодежь гуляла на вечерках, называлось – «досветки». Там знакомились. Клуба не было. Нанимались у хозяина на квартиру. Хозяин пускал и брал плату такую: парубкам заказывает камышу накосить для топки, девчатам – чтоб свет носили свой, из сала фитили делали. Девчата хозяйке помогают напрямсть, пошить. (Сибирь, Александровка Алтайского края. Бикетов)

Колхоз враз всех сравнял! (Гремячка Саратовской области, Марунова) – таков общий взгляд на экономическое со-

стояние крестьянских дворов периода коллективизации.

– Ну, обыкновенно мы жили. В своем хозяйстве мы средне жили. Хлебушка нам от нови до нови хватало. А вот первые годы в колхозе – уж тут мы жили плоховато. (Нечерноземье, Городня Тверской области. Кирпичев)

2. Даже небогатые крестьянские дворы стали жить еще бедней – «коллективизационный шок» продолжал действовать примерно до конца 1930-х годов. Одна из важных причин этого общего и резкого понижения уровня жизни крестьянского двора и села в целом – это то, что в деревне не осталось крепких хозяев, за которыми можно было тянуться и которые при нужде выручали бедную семью: давали хлеб до нови, помогали тяглом, живым трудом и т. п.

– Простой народ испортили только во время коллективизации! А так были все приятные... Все до одного вместе мы были. Скажем, ты богатенький, а я бедный. И мы каждый друг друга так и понимали: ты умеешь быть богатым, а я вот – не умею. Но может, когда-нибудь все-таки сумею. А при коллективизации – враз все вместе оказались. То есть: кулаков-то раскулачили, богатых. Их – нет уже! Остались бедняки и середняки, – только они в колхозе-то и были. А больше никаких не было! Кулаков-то раскулачили. И увезли.

– А вот те, которых раскулачили и увезли, – они, что же, лучше, что ли, были, чем те, которые дома остались?..

– Лучше! (Сказал вызывающе, почти выкрикнул это слово.) Лучше! А лучше тем, что они – хоз-я-ева. Настоящие! Они хлеб давали, товарный. А голытьба-то, знаешь? Разве она могла хлеб дать?! Голытьба, она и есть голытьба! Ей лишь бы выпить, а там. (Пренебрежительно машет рукой.) (Тепловка Саратовской области. Воротников)

Но встречаются информанты, для которых наступивший колхоз был если не счастливым, то желанным поворотом в их повседневном существовании.

– А когда вы скотину в колхоз сдавали, вы с желанием это делали или нет?

– С радостью! Ну, все было нужно. Ну, женщина, мать. Мужчин не было. Тут и брат умер. Ну, что же? Как же было жить? А когда в колхоз-то. Тогда мы пошли работать и все. Проработали. Чего заработали – нам платят. У нас ни быка, никого. Мы послали все. (Атамановка Волгоградской области. Ситкина)»

Вот так выглядят типичные фрагменты из той ранней публикации. Казалось бы, вполне стандартные, не лишенные научной добротности информационно-аналитические мизансцены. И вроде все здесь на месте – и выводы и иллюстрации. Но очевидно и другое. Если присмотреться и вчитаться, то мой «аналитический» комментарий слишком скуден, узок и тесен для тех выразительных «моментальных фотографий», которые на наших глазах сотворили крестьянские рассказчики. Мой комментарий – не более чем высказыва-

ние аргорос. Он поверхностно фиксирует лишь краткий сигнал прихотливого, живой жизнью порожденного, сцепления фактов, обстоятельств и мотивировок крестьянского существования. Фиксирует, оставляя за бортом уходящую волну живого бытия. И тут ведь никуда не денешься: анализируя и обобщая, приходится чем-то жертвовать. Жертвовать многозначностью, вытаскивая на свет лишь центральный сухой стержень. Но эта жертва угнетает. Она систематически обессилывает. От нее буквально опускаются руки, потому что в рамках такого рода аналитики ничего иного не придумаешь. Подобная интерпретационная манера удерживает тебя на поверхности, не давая спуститься к подводным течениям текста. Что же делать? Вероятно, надо менять аналитическую оптику. Надо искать сменные объективы, использовать различные объяснительные светофильтры и трансфокаторы.

Спустя годы такая попытка была предпринята мной в книге «“Орудия слабых”»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования»⁹. Я попробовал составить более подробный и развернутый путеводитель по крестьянским производственно-экономическим и социально-культурным мирам на основе многолетнего взглядывания и вдумывания в разнообразные обстоятельства и сцепления российской крестьянской повседневности, вниматель-

⁹ *Виноградский В. Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2009.

ного вслушивания в подлинные голоса тех, кого иногда, как я уже сказал, называют нерассуждающим большинством. Я предполагал, что более широкая, чем прежде, событийная и текстовая панорама автоматически выправит недостатки фрагментарного цитирования и лаконичного, сжатого – по жанровой необходимости – комментария. Что же получилось в результате? Не скажу, что мне удалось радикально подняться на новую познавательную ступень. Конечно, мне самому судить о том, что получилось, было трудно. Но все же ощущение какой-то несопоставимости, неслиянности, разделенности двух миров – непосредственно-жизненного и научно-аналитического – никак не выветривалось из сознания. Так получилось, что эта книжка не осталась незамеченной и была отрецензирована в Батыгинском «Социологическом журнале». Вот уж, воистину – со стороны видней! После знакомства с подробным отзывом эксперта моя внутренняя озабоченность подтвердилась – нельзя безнаказанно запрягать живое движение разворачивающегося текста в аналитико-интерпретационные хомуты, оглобли и постромки. Крестьянский «голос снизу» мощно вырывается из любого научного плена. Летит, сверкает и грохочет, поглядывая на автора сверху вниз. Вот как об этом написала автор рецензии: «Если отбросить наукообразные текстовые фрагменты, “Орудия слабых...” – развернутый роман о жизненном пути российского крестьянства в XX в., в котором персонажи произносят почти шекспировские монологи о своей биогра-

фии как социально-типичной судьбе. И роман этот столь же увлекателен, сколь и наводит на размышления: как справедливо отметил автор, “любое обобщение допускает противоречащие основному выводу и не вмещающиеся в него моменты”. Читатель постоянно находит нестыковки в интерпретациях информантов, используемых понятиях и выражаемых эмоциях, вынужден вновь и вновь пролистывать страницы, чтобы уточнить правильность прочтения и понимания и признаться самому себе, что все очень сложно и неоднозначно. Это одновременно и свойство хорошего исследовательского текста, *позволяющего информантам говорить самим за себя* (здесь и далее курсив мой. – В.В.), и отличная демонстрация сложности социологической работы в рамках качественного подхода – повседневность настойчиво *противостоит* попыткам своей более или менее *стабильной и однозначной фиксации*¹⁰. Я специально выделил замеченные рецензентом свойства моего текста, а по сути – его аналитические контрверзы, его познавательные срывы. Выделил потому, что они и меня самого к тому времени интеллектуально и этически растревожили и огорчили. Ведь, с одной стороны, я как автор должен позволить информантам высказаться вполне – развернуто, свободно, с возможными уточ-

¹⁰ Трощук И. В. Социологический анализ сельской повседневности: проблемы методические, гуманистические и поэтические. [Рец. на книгу: *Виноградский В. Г. «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования.* Саратов: Изд-во Саратовского института РГТЭУ, 2009.] // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 178.

нениями, оговорками и саморедактированием.

С другой стороны, автор как субъект дискурса науки должен однозначно и непротиворечиво зафиксировать собственные выводы и оценки. Должен волей-неволей обобщить и укротить бытие. Но этому упрямо и систематически противится льющийся сплошным потоком, выговариваемый конкретным человеком живой рассказ. Противится и не хочет подчиняться – совсем как крестьянский подросток Ивашка на лопате у Бабы Яги, когда она пихает его в багровое жерло русской печи. Что же делать? Одно из двух – либо продолжать (по аналитическому обыкновению) сепарировать крестьянские нарративы, трансформируя их, по сути, в сублимированный следственный протокол, добиваясь сугубой однозначности. Либо же прицельно выуживать из живого речевого раствора нужные тебе композиции и сочетания, конвертируя исходный текст в иной композиционно-синтаксический формат. И хотя второй путь мягче и предпочтительней, и то и другое, в сущности, произвол. Он, разумеется, приемлем в определенных аналитических целях. Что и составило, как теперь выясняется, основное содержание книжки «“Орудия слабых”...». Но справляется ли такого рода аналитика с задачей полноценного истолкования крестьянских хроник? Может ли здесь отыскаться какой-то новый, может быть, компромиссный путь? Путь параллельный, путь более аккуратный и ненасильственный? Каким образом рассказать о крестьянской повседневности, не пытаясь

– пусть даже в самых благородных целях – подретушировать и подгримировать ее? Ответ на этот вопрос я попытался обосновать и продемонстрировать в новой публикации. Речь идет о книге «Крестьянские координаты». Чем она специфична? В чем заключается ее преемственность и ее отличие от прежних публикаций? Во-первых, я совершенно сознательно продолжил в ней мемуарную традицию «Голосов крестьян...» и «“Орудий слабых”...». Золотой запас живых крестьянских нарративов не может вечно пребывать в архивной тишине. Хотя с момента записи семейных крестьянских историй прошло более двадцати лет, оценки и мнения тогдашних наших собеседников, давно упокоившихся на пустынных деревенских погостах, звучат еще более свежо и актуально, чем в момент их фиксации на диктофонную ленту или в полевой блокнот. Произошло это потому, что суммировалось социальное время. Дерево российской истории нарастило несколько годовых колец, и прожитые без этих стариков десятилетия добавили их словам вневременной глубины и панорамности. Время оснастило рассказы неизвестных деревенских бабушек и дедушек особой стереоскопией и стереофонией: мы не только видим калейдоскоп картин их повседневной жизни, но и явственно ощущаем поступь и логику истории, элементы и кластеры неспешного хроноса. К. Маркс однажды весьма точно сказал (и мы не однажды вспомним далее эту формулу): «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны». Иначе говоря, последующее разво-

рачивает, уточняет и истолковывает предшествующее. Мы, в отличие от наших рассказчиков, видим и знаем то будущее, на которое эти простые люди уповали и смиренно надеялись. И понимаем, насколько умны и проницательны были эти порой не сильно грамотные, но удивительно толковые и красноречивые сельские старики. Во-вторых, в отличие от «Голосов крестьян...» и «“Орудий слабых”...», где мемуарные записи рассказчиков были организованы (либо в упорядоченные семейные истории, либо в подборки фрагментов-цитат из этих устных повестей), в «Крестьянских координатах» воспроизводятся точные и полные, без каких бы то ни было изъятий, расшифровки крестьянских рассказов. Задача автора свелась лишь к расстановке знаков препинания и составлению пояснительных примечаний в тех случаях, когда это было необходимо для понимания сути дела. В остальном это подлинный речевой документ. Публикуется все как есть. Как это было произнесено (с ошибками, с оговорками, со смущенным кряхтеньем, с ехидным хихиканьем и с открытым, летящим из глубины души смехом). И как это было записано (с неизбежными пропусками из-за внезапно вставшего диктофона, с неразборчивым бормотанием и репликами социолога – удивленными, возмущенными, уточняющими). Позволить информантам говорить самим за себя, воссоздать продолжительную мизансцену сочувственного слушания-наблюдения-реагирования – вот что явилось нашей главной целью. Собственно аналитическая часть этой

монографической публикации свелась к двум блокам, «подсвечивающим» устные истории. Первый блок – «Социально-пространственная картина села» – подробно описывает различные внешние измерения деревни, является своего рода словесной картой, ландшафтным портретом. Его задача ввести читателя в обстановку, предложить краткий путеводитель по одной из крохотных живых «молекул» крестьянской России. Второй блок суммирует впечатления автора об основном рассказчике, дает полновесный словесный портрет информанта, созданный не только по первому впечатлению (хотя и о нем тоже сказано), но и как итог многодневных и душевно открытых встреч с человеком, который отважился оглядеть собственную жизнь с ее уже поистине финального рубежа. Таким образом, сознательно отрешившись от каких бы то ни было комментариев и аналитических акцентов, я положил перед читателем подлинный текст. Его автор, как правило, малограмотный сельский человек. Прочитавший в детстве букварь, а в зрелости – молитвенник. Но оторваться от незатейливого крестьянского повествования порой невозможно. В нем сконструирован живой, шевелящийся, подлинный мир. Это, разумеется, не писательская проза, несущая в себе художественную сверхзадачу, специально ради нее выстроенная. В сущности, содержательная красота крестьянского жизненного мира, его смысловые сгущения, его логика, этика и эстетика выстраиваются отнюдь не в нем самом. Не в его безыскусном, порой сбивчивом и разодран-

ном, бытийном потоке, а в голове читателя. Воистину beauty is in the eye of the beholder («красота в глазах смотрящего»). Именно смотрящий, чувствующий, понимающий, анализирующий субъект обретает здесь стратегический простор для интерпретационных инициатив и обретений. Именно читатель может оценить и встроить крестьянский бытийный пейзаж в собственную картину мира. И ощутить скромную грандиозность деревенских «трудов и дней». Именно для этого я достал из экспедиционного архива простое и цельное текстовое полотно. Вытащил его на свет и развернул.

Казалось бы, задача реализована – я попытался уйти от собственного аналитического произвола и погрузиться в живую речевую стихию. Адекватная форма для презентации «голосов снизу» найдена. Создан и организован достаточно надежный текстовый источник – для социологов, культурологов, историков, лингвистов. Но и этого – мало. Потому, что в «Крестьянских координатах» повседневные измерения жизни крестьян были развернуто продемонстрированы, выставлены, но не поняты. Не истолкованы. Не снабжены хотя бы приблизительной интерпретационной матрицей, которая смогла бы означить, нащупать существо и тайну крестьянского пространства-времени. Значит, поиск возможностей для презентации материалов крестьяноведческих экспедиций вряд ли может закончиться на этой точке. Попробую объяснить свой новый замысел.

3. «Голоса снизу» как дискурсы

В этой книге в очередной раз публикуются «голоса снизу», транскрипты интервью, которые были записаны в ходе нескольких полевых социологических исследований и до сих пор хранились в экспедиционном архиве. Несомненно, это – продолжение той работы, которая началась с «Голосов крестьян...», «“Орудий слабых”...» и нашла выражение в «Крестьянских координатах...». Однако данная публикация, как я надеюсь, имеет особый характер. Я хочу сопоставить, положить рядом нарративы, полученные в самом начале нашей работы (1990 г.) и в завершающей стадии экспедиции (вторая половина 2000-х и начало 2010-х). Первые устные истории были записаны у стариков, хорошо помнящих доколхозную деревню, переживших «корчевку» (так в иных областях сельские люди называют коллективизацию), лично участвовавших в этой зловещей, устроенной «под чужую дудку», невыносимой «пляске медленных крестьян» (Н. Заболоцкий). Второй же текстовый блок – это разговоры с современными сельскими жителями, мало-помалу входящими в новые, заметно модернизируемые сельские миры. Миры, которые уже вряд ли можно обозначить как подлинно и последовательно крестьянские. Таким образом, авторами первой группы публикуемых текстов являются упокоившиеся деды и отцы. Идущая ей вслед текстовая подборка на-

писалась голосами крестьянских детей – уже вполне взрослых и самостоятельных. Так что на страницах этой книги рядом встают и высказываются два крестьянских поколения. Но это только одна из специфических характеристик настоящей публикации. Есть и вторая.

Я уже говорил о том, что в ходе нашей 20-летней работы менялись научные задачи, уточнялись аналитические проекции, совершенствовалось методическое и инструментальное оснащение. Но неизменными оставались цели работы – увидеть, зафиксировать и понять движущуюся материю крестьянской повседневности. Запечатлеть и сохранить подробности и детали крестьянских социальных миров. Создать своего рода постоянную музейную экспозицию образа повседневного существования русского крестьянства, которое медленно и тихо, но бесповоротно и окончательно уходит с цивилизационной сцены. И вот, пристально наблюдая за деревней, мне приходится констатировать, что минувшие десятилетия – это последняя осень корневого русского крестьянства. Разумеется, она наступила не вдруг. Для такого поворота событий существует объективная социально-историческая основа. Просто пришло время. Примерно полвека назад настал момент, когда городское население нашей страны навсегда перевесило сельское. Город начал превращаться в основную зону проживания и производства. Город принялся стремительно наращивать свою индустриальную, высокотехнологическую мускулатуру. Одни производ-

ства расширились, съедая пространство жизни, другие, наоборот, – сворачивались, упаковываясь в компактные технологические клетки и отсеки. Энергетика городского существования окончательно легла на шкалу положительных значений – каждый ее импульс только повышал температуру (экономическую, социальную, информационную) города. Это продолжается по сей день, и этому, видимо, пока нет ясно ощущаемой границы. Что есть город? Город – это фокальная точка, средоточие энергии, информации, взвинченных страстей и ненасытных желаний, часто находящихся в противоходе, противонаправленных, а также параллельных, и поэтому сосуществующих и вертящихся в сжатом ядерном объеме. И в этом есть свой объективный резон.

Деревня – это не точка, а пространство. Деревня – это местность. Это достаточно протяженный, развернутый, раскрытый на все четыре стороны пейзаж и ландшафт. В этом есть что-то эпическое... Но пришло время. И сегодня деревня окончательно перестала быть территорией сплошного сельскохозяйственного производства. Длительная историческая полоса, когда наблюдалась повсеместная точечная прикреплённость человека к земле, к *natura naturans*, к «порождающей», производящей природе, – такая полоса завершилась. Причины этого заключаются и в развитии технологий, и в политико-экономических процессах: крупный капитал начинает контролировать производственные процессы в агробизнесе, создавая мощные холдинги, фабрики по произ-

водству зерна, молока и мяса. А традиционное, расфокусированное, распыленное сельское производство, существовавшее в виде круглосуточной заботы семейных хозяйств, их кропотливого надзора над ближайшим клочком природы, – такое производство свернулось, ушло внутрь и почти исчезло. Этот угасающий процесс стал заметен именно сегодня, поскольку он оставляет видимые материальные следы – медленно зарастающие огороды и тропы, ведущие к одичалым покосам, покосившиеся, по-старинному сплетенные и пока еще прочные изгороди, оседающие добротные срубы домов, сараев, бань и хлевов. Не видно крестьян и на современных городских рынках. А еще в середине 1990-х можно было купить картофель, свеклу, лук и прочую изобильную осеннюю зелень у застенчивых мужиков и теток в серых немарких пиджачках и кофтах, с обветренными, кирпичного загара, лицами. Сейчас на базарах торгуют совсем иные люди. Деревня понемногу испаряется с демогеографической карты. Из обзора итогов Всероссийской переписи населения 2010 года: «За последние 8 лет мы недосчитались 2,3 млн жителей России. При этом особенно пострадало село: потери сельского населения в три раза больше, чем городского. За межпереписной период (с 2002 по 2010 г.) число сельских населенных пунктов уменьшилось на 8,5 тыс. сел и деревень. Вместе с тем при переписи было зафиксировано 19,4 тыс. сельских населенных пунктов, в которых население фактически не проживало. По сравнению с прошлой переписью число таких

населенных пунктов увеличилось на 48 процентов»¹¹. Итак, русское крестьянство сегодня уходит. Прячется. Крестьянство завершает свой цивилизационный маршрут вместе со всей оснасткой. Прежде всего вместе с суммой нехитрых, обкатанных веками, крестьянских технологий – производственных, социальных, культурных. И одновременно вместе с крестьянским коммуникативно-текстовым пространством, которое формулировало, сопровождало и воплощало повседневное существование сельских жителей. Так что самое досадное и непоправимое в этой истории то, что крестьянство смолкает. Безвозвратно уходят в тишину привычные, живые крестьянские разговоры, диалоги, присказки, речения и прибаутки. Им уже не дана возможность новой жизни. Коренным крестьянам уже не суждена участь обитателей «фейсбуков», авторов «живых журналов», твиттерян и блогеров, перед которыми расстилается «прекрасный новый мир». Крестьянская песенка, что называется, спета. И изо всех потерь, эта последняя, самая незаметная. Но и самая, как мне кажется, дорогая. Смириться с ней нелегко. Поэтому вторая специфическая черта данной публикации заключается в том, что я попробую воспроизвести и параллельно этому описать, проанализировать, истолковать, сравнить те способы, манеры, те «обыкновения» высказываться, которые свойственны именно крестьянским нарративам. Попытаюсь эмпирически

¹¹ Исчезающий вид // Российская газета. Федеральный вып. № 5660. 2011. 16 декабря.

воссоздать и хотя бы минимально, схематически обрисовать ту речевую атмосферу, которая окружает говорящего и производится говорящим. Интерпретационный инструментарий для такого рода репрезентаций и сопоставлений имеется. Я имею в виду междисциплинарное понятие дискурса, дискурсивных практик. Что такое дискурс? Развернутый ответ на этот вопрос требует особого разговора. Можно утверждать, что понятие «дискурс» – одно из самых интенсивно применяемых в современных гуманитарных и социально-политических науках. Так, весьма развиты разнообразные лингвистические подходы к анализу дискурса, включая методы социолингвистики, лингвокультурологии и прочих лингвистических дисциплин. Семиотические трактовки рассматривают дискурс как знаково-символическое культурное образование, как культурный код. Социально-коммуникативные подходы акцентируют внимание на коммуникативных целях и социальных функциях дискурса. Дискурс полагается и как сетевое коммуникативное пространство, в котором происходит конструирование и переформатирование реальности¹². Отмечу, что разного рода подходы к пониманию дискурса

¹² Дискурс. Коммуникативные стратегии культуры и образования. Вып. 12–13. М.: РГГУ, 2005; *Йоргенсен М. В., Филлипс Л.* Дискурсанализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004; *Карасик В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002; *Седов К. Ф.* Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004; Текст. Дискурс. Культура: сб. науч. статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2008; *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия. М.: Флинта; Наука, 2006.

не являются жесткими оппозициями или альтернативами. Это, скорее, аналитические акцентуации, те или другие фокусировки. Ad hoc конструирование понятия дискурса всякий раз заставляет настраивать оригинальную методологическую оптику, вращать верньер познавательного бинокля в поисках резкости и глубины изображаемого пространства в зависимости от тех или иных познавательных задач. И это не странно, поскольку само понятие дискурса изначально элементарно. Другое дело, что эти, образующие его, элементы весьма многозначны и внутренне сложны. Помня об этом, я попробую, исходя из классических дефиниций дискурсивных практик, обосновать и развить ту аналитическую проекцию, которая, как мне кажется, будет уместной в данной работе. Но начну не с теории, а с беллетристики. С классической отечественной прозы. В самом начале «Войны и мира» Лев Толстой выписывает выразительную мизансцену дворянской светской жизни, показывая читателю салон Анны Шерер. Эта зарисовка, как мне кажется, вживе схватывает и форму и существо того феномена, который в современной герменевтике обозначается понятием «дискурс». Или – «дискурсивная практика». Схватывает и позволяет сфокусироваться именно на тех измерениях дискурсивных практик, которые являются важными для дальнейшего развертывания данного анализа. Итак, Лев Толстой:

«Анна Павловна возвратилась к своим занятиям хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, гото-

вая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор. Как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, – так и Анна Павловна, прохаживаясь по своей гостиной, подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину».

Что же производит эта «разговорная машина»? Не в последнюю очередь – определенный порядок и размерность сущего. В частности, она производит дискурс как некую «совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же дискурсивной формации»¹³. Порождает совокупность высказываний, заведомо обузданных и укрощенных рамками некой, заранее принятой, речевой, коммуникативной нормы. Нормы, понимаемой не только лингвистически, а именно – нормы социальной, культурной, эстетической, этической, сословной. Нормы, впитавшей в себя сложный раствор безмолвных светских правил. Нормы, суть которой неплохо схватывается французским фразеологизмом *comme il faut*. Именно – «как следует», «как прилично», «как принято». Представляется, что такого рода нормативность как нельзя лучше сопровождает и выражает цельность той или иной

¹³ Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. С. 117.

«дискурсивной формации». Современные представления о дискурсе можно свести к аналитической схеме, где дискурс полагается как «речь в контексте», как текст в ситуации реального общения. Н. Д. Арутюнова отмечает: «Дискурс – это связный текст в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания. Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь”»¹⁴. Определяя терминологический статус дискурса, Е. А. Кожемякин следующим образом суммирует различия текста и дискурса: дискурс принадлежит к сфере социальных действий, обладает таким свойством как процессуальность, воспроизводит событие, диалогичен и полифоничен¹⁵. Следовательно, при интерпретации дискурса значительную роль должен играть учет экстралингвистических, а именно социально-исторических и культурных факторов, повлиявших на формальную организацию процесса коммуникации, а сам дискурс должен рассматриваться как

¹⁴ Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136.

¹⁵ См.: Кожемякин Е. А. Дискурс: терминологический статус и коррелирующие понятия («текст», «язык», «мышление», «коммуникация») // Коммуникация в современной парадигме социального и гуманитарного знания: материалы 4-й международной конференции. РКА «Коммуникация-2008». М., 2008. С. 108.

процессуальная деятельность¹⁶. Представляется, что эти (и многие иные) различия и констатации в конечном счете восходят к работам представителей философского структурализма второй половины XX века. Так, М. Фуко в «Археологии знания» формулирует: «И, наконец, можно уточнить понятие дискурсивной “практики”. Нельзя путать ее ни с экспрессивными операциями, посредством которых индивидуум формулирует идею, желание, образ, ни с рациональной деятельностью, которая может выполняться в системе выводов, ни с “компетенцией” говорящего субъекта, когда он строит грамматические фразы»¹⁷. Иначе говоря, М. Фуко допускает, что поверхность дискурса может быть изменчивой, вариативной, сформулированной «как следует», но допускающей разноцветность. А вот сущность дискурса, его смысловая абиссаль детерминированы куда более серьезно. Фуко продолжает свою мысль так: дискурсивные практики – «это совокупность анонимных исторических правил, всегда определенных во времени и пространстве, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания»¹⁸. Анна Павловна Шерер будто бы нарочно прочла и усвоила эту

¹⁶ Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 137.

¹⁷ Фуко М. Археология знания. С. 118.

¹⁸ Там же.

аксиоматику Фуко. Ведь она-то и является гарантом скрупулезного, пуристского соблюдения «анонимных исторических правил», принятых в тогдашнем свете. Анна Павловна ничего не диктует. Все ее действия как хозяйки салона выражаются в неких микродвижениях, в незаметных со стороны инициативах, тонко настраивающих ритм и формы «комилфотных» дискурсивных практик «светской черни». В итоге – сплошная дискурсивная округлость и любезность, ничего экстраординарного, выпирающего из рамок и необычного, например, слишком громко и экспрессивно начавшего высказываться Пьера Безухова, тотчас строгим взглядом Анны Павловны приструненного. В сущности, любая дискурсивная практика – это «равномерная, приличная разговорная машина». Равномерная в том смысле, что равная самой себе, лишенная любых пиковых или провальных элементов. Приличная в том смысле, что не нарушающая интерсубъективных правил, принятых в данном социальном слое, в известной мере бесцветная. Именно *comme il faut*. А порой возникающие и допустимые флуктуации, намеренно-целевые нарушения в работе этой разговорной машины прекрасно были схвачены в пушкинской строфе: «Вот крупной солью светской злости / Стал оживляться разговор...» Подчеркну, что описанное выше является примером вполне развитых дискурсивных практик. Таких, где можно обнаружить устойчивые, закреплённые – в том числе и в письменных текстах – параметры того или иного дискурса.

Обратимся теперь к нашему предмету – дискурсам крестьянской повседневности. Начну с той, простейшей, констатации, что крестьянские дискурсы – это материя устная. И это прежде всего «голоса снизу». Что такое «голоса снизу»? В нашей проекции это коммуникативные массивы, добытые в ходе социологических экспедиций в русские деревни и села, хутора и станицы. Это речевые продукты, производимые крестьянами. Чикагский антрополог и социолог Роберт Редфилд однажды пронизательно назвал крестьян нерассуждающим большинством (*largely unreflective many*)¹⁹. Характеристика горькая, верная и уже несколько устаревшая. Но совсем не потому, что «нерассуждающее», а потому, что крестьяне – уже давно не «большинство». Но изменилось ли с течением времени это самое крестьянское «нерассуждение»? Нет, радикально не изменилось. Крестьяне по-прежнему в определенном смысле не рассуждают. Но можно ли утверждать, что они не производят дискурс как специальную инструментально-логическую конструкцию, позволяющую обрести и выверить равновесие между субъектом и объектом, между индивидом и обществом, между историей и биографией? Какого рода и вида эта конструкция? И как можно говорить именно о крестьянских дискурсах? Заметим – этот вопрос в литературе до сих пор не обсуждается. Видимо, он пока что не заслуживает специального ана-

¹⁹ *Redfield, Robert. Peasant Society and Culture. The University of Chicago Press. 1956. P. 60.*

лиза. Свидетельство тому следующий красноречивый факт – из почти двухсот терминологических связок, имеющих в качестве сказуемого понятие «дискурс» и зафиксированных в словнике энциклопедии «Дискурсология»²⁰, не нашлось места для «крестьянского дискурса». Последний просто не существует в сознании. Оно и неудивительно: вряд ли среди, например, агонального, академического, андрогинного, архаусного, байкерского, brutального, гастрономического, застольного, карнавального, меланхолического, мифологического, оперного, плутовского, психоделического, сардонического, шизофренического, эротического, этатистского, ювенального и еще более замысловатых, числом свыше ста пятидесяти, разновидностей дискурса сегодня может отыскаться местечко для дискурса крестьянского. Почему же так? Вероятно, потому что весьма распространено мнение, в соответствии с которым дискурс – это речевая практика избранных. Иначе говоря, дискурс как рассуждение, как своеобразная экзегеза может базироваться и обретаться лишь в образованных, интеллектуально искушенных, специализированных социумах. Такому, в сущности, поверхностному мнению весьма способствует и само словечко «дискурс» – иноземно и сугубо научно звучащее. Но так ли это на самом деле? Что такое дискурс как понятие? Ряд исследователей, анализирующих представление о дискурсе, отталкивается от по-

²⁰ См.: Дискурсология – словарь терминов, понятий и концептов. <http://madipi.ru/http://madipi.ru/>

нятия «текст». На мой взгляд, это весьма продуктивный аналитический ход. Действительно, дискурс – это не что иное, как текст, который «всегда с тобой». С кем бы ты не разговаривал, какой бы текст как ткань, как переплетение реплик, вопросов, ответов, отговорок и умолчаний ты не порождал, – все же текст есть нечто такое, которое можно бросить и забыть. Как, скажем, актер или докладчик может забыть или потерять текст роли или выступления. Но дискурс не забудешь, потому что он постоянно в тебе. Потому что он в том коммуникационном мире, где ты не чужой, а свой. Где ты в своей – исхоженной, изведенной, обтопанной и обустроенной – лингвистической и социально-культурной среде. Где у тебя нет потребности что-то обосновывать, доказывать и логически выводить. И где нет нужды развернуто объясняться. В этом смысле интересно мнение лингвиста В.З. Демьянкова, который подчеркивает, что дискурс обычно «концентрируется вокруг некоторого опорного концепта, создает общий контекст, описывающий действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п., определяясь не столько последовательностью предложений, сколько тем общим для создающего дискурс и его интерпретатора миром, который “строится” по ходу развертывания дискурса»²¹.

Чем может быть специфичен именно крестьянский дис-

²¹ Демьянков В. З. «Текст» и «дискурс» как термины и как слова обыденного языка // Вопросы филологии. IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г. Пленарные доклады. 2007. № Спецвыпуск. С. 86–95.

курс? Именно тем общим опорным контекстом, на котором стоит крестьянский мир. Особенность крестьянских дискурсивных практик детерминирована тем обстоятельством, что крестьянский социум, создающий дискурс, образован людьми, непосредственно, в силу своей хозяйственно-экономической диспозиции без остатка включенными в местный природный мир и в местный мир социальный. Крестьянин прикреплен к земле и к соседям, к ближайшей натуральной округе и к своей деревне, селу, станице, хутору. Он – человек этой, каждый раз «малой» земли. У него нет иных, чем традиционное природопользование, источников доходов, у него нет второго жилища. Кстати, это последнее обстоятельство резко отграничивает коренных крестьян от городских дачников, покупающих дома в наполовину опустевших деревнях, подолгу живущих на природе и формально включенных в крестьянский жизненный процесс. Но сколько бы ни старался горожанин жить по-крестьянски: вести огород, держать мелкую скотинку, наличие у него иных источников дохода и городских квартир решительно препятствует органичному включению горожанина в деревенский пейзаж. Он в нем – чужак. И по занятиям, и по облику, и по дискурсу. Кстати, порой очень забавно наблюдать и слушать породистых горожан, разговаривающих с крестьянами – при этом обычно звучит этакий оживленный, псевдонародный воляпюк, слышится интонационное и лексическое обезьянничанье, смешное и жалкое.

Несущий опорный концепт крестьянских дискурсов, его действующие лица, объекты, обстоятельства, времена, поступки и т. п. – это именно деревенский микромир, природный и социальный. Он изначально элементарен, его элементы сочтены, они относительно неподвижны, устойчивы и незамысловаты. Эту родовую специфичность крестьянских дискурсов, – специфичность, обусловленную их *locus nascendi* («местом порождения»), можно, как мне кажется, наглядно проиллюстрировать, прибегнув к помощи мировой геоинформационной системы Google Earth, а именно к обобщающим возможностям последней. Легко убедиться, что использование этой волшебной электронной карты в процедурах поиска и рассматривания локальных деревенских миров мало что может дать мыслящему глазу – в лучшем случае мы увидим несколько рядов деревенских изб и полосу центрального прогона. А позади домов – правильные контуры огородов и сенокосов, дорожки и тропинки к речкам, колодцам, родникам. И это все! В то время как пространственное «хозяйство» рассматриваемой с самолетных высот городской среды тотчас внушает мысль о сложном и разветвленном жизненном космосе, своего рода универсуме, который даже в общей картографической проекции можно членить, сортировать, интерпретировать. Не таков крестьянский дискурс – его основа и его материя, рассмотренные с известного аналитического «расстояния», внушают мысль о его элементарности, скудельности и бедной чистоте. В то

время как соответствующий опорный концепт дискурса городского попросту неразличим и невычленим – настолько сложна и многослойна его структура.

Каких бы то ни было непредвиденных странностей в крестьянских дискурсивных привычках не заметно. Они вполне предсказуемы. В них читается знак циклического времени. Дискурсы крестьянской повседневности постоянно заняты предвосхищающим истолкованием до мелочей знакомого мира. В этой их «заранее-выстроенности» действует индукция неуклонного, воочию наблюдаемого, – если и не ежедневного, то обязательно недельного и месячного, не говоря уж о сезонах, – природного движения. Последнее предстает не в мелькании календарных чисел, а как мягкое прибавление и убавление дневного света, как отрастание и увядание травки у крыльца, как оседание сугробов и рост проплешин на солнечных пригорках, как густое начало и прозрачный конец листопада. Этот кругообразно сменяемый «задник» не в последнюю очередь сообщает деревенским разговорам, их строю, их дискурсивной размерности особого рода *порядочность*. Порядочность в том базовом смысле, что это не столько узуально укрепившаяся приличность, сколько установленность, принятая уложенность, своего рода устаканенность бытия. Крестьянским дискурсам свойственна, скорее, *порядливость*. Это полузабытое слово схватывает не только элементарную аккуратность, но и предсказуемую устойчивость, отсутствие вывертов и эскапад.

Таким образом, крестьянский дискурс – это речевая вариация малоподвижного деревенского пейзажа. Это бегущая строка повседневных очевидностей. Это – разговорная машина, производящая круговую панораму однотипных *целей*, комментирующая набор стандартных производственных *акций* и формулирующая неширокий круг из года в год воспроизводящихся *намерений*. Крестьянский дискурс – это незамысловатая стенограмма бытия, направленного прежде всего на сохранение полноты органического существования субъекта. Такого существования, когда соблюден и обеспечен минимум условий для продления в будущее рутинных хозяйственно-экономических практик. Кратчайшая лексическая формула полноты органического существования такова – сыты, обуты и одеты. К ней, пожалуй, можно добавить вот что – с потолка не каплет, и с соседями мир. Все это и есть принципиальная схема типичных крестьянских дискурсивных практик. Их сокровенная сердцевина. Их изначальная нищета. Их рутина. Но эта унылая циклическая норма вмиг освежается, становится резкой и отчетливой, когда на нее смотришь со стороны, из другого дискурса. Этот эффект замечен и воплощен А. С. Пушкиным, большим любителем и знатоком деревни. Воплощен в романе, где рядом с городским искушенным Евгением Онегиным в деревенских просторах появляется новый человек, романтический поэт, который к тому же выучился в Европе. Приехав, как и Евгений, в свое сельское поместье и по необходимости войдя в сосед-

ские отношения, Владимир Ленский, окунувшись разокдругой в тамошний дискурсивный поток (в сущности, мало отличающийся от крестьянского крикливого разговора), буквально отшатывается: «Бежал он их беседы шумной. / Их разговор благоразумный / О сенокосе, о вине, / О псарне, о своей родне, / Конечно, не блистал ни чувством, / Ни поэтическим огнем, / Ни острою, ни умом...» То есть всем тем, что характерно для салонного дискурса. Там, чтобы быть в центре, надобно быть красноречивым, умным, парадоксальным, пронизательным. В самом деле, ум сверкает и блещет именно в тех дискурсивных ситуациях, когда «скрытая сущность вселенной» вдруг публично вытаскивается на белый свет. Когда непонятное и загадочное буквально на глазах конвертируется в очевидное. Когда формулируется оценка, меняющая систему жизненных координат. Но крестьянские координаты выстроены, что называется, раз навсегда. Поэтому крестьянские дискурсы, как правило, безоценочны. «Нерассуждения» в тех нарративах, которые были записаны в разных уголках сельской России, это инстинктивный способ самосохранения. Способ выстраивания социально-исторической безопасности. Не рассуждать и не оценивать – это значит не разрушить, не покалечить и даже как-то оправдать, принять пройденное пространство жизни. «Жизнь прожить – не поле перейти» – говорит народ. Жизнь прожить сложнее и непредсказуемее, чем пересечь обозреваемый маршрут, когда можно обойти канаву, перескочить через лужу и

уклониться от буреломной чащобы. Вот поэтому и крестьянский дискурс о жизни есть не описание возможностей, которые были даны, но не реализованы (а такое описание изначально аналитично, оно есть именно *рас-суждение*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.